

Пятый сет

Петров

Волны. Зеленые и тягучие. Золотой свет свивается в спираль и заполняет мое сознание. И в этой зелено-золотой алхимии синие и голубые пузыри стремятся без направлений — просто стремятся.

Я не мог не оказаться на этом берегу. Не мог не быть рядом с живым исполином, сокрытым в водной толще, обнимающим и пронизывающим всю планету. Когда я держусь за ствол дерева, я знаю, что в его прожилках бушуют океанские бури.

Мы шли по черной набережной Приморского⁷ — Петров и я. Он приехал на поезде в темную вечернюю Феодосию в феврале. Не взял с собой еды, рассчитывая на вагон-ресторан, и переваривал все двадцать шесть часов путешествия баночку йогурта, выданного ему сердобольной соседкой по купе, — выйти и купить на вокзале пирожок ему не позволял снобизм.

Корявые тополя, зубцы башни Константина у вокзала, желтые огоньки окон в черной необъятной луже, омывающей гранитный бордюр, и такси, в котором, как в камерке на колесах, мы проехали сквозь тьму в Приморский.

⁷ Приморский — поселок городского типа на юго-востоке Крыма, входит в состав Феодосии.

Было темным-темно, как бывает в Крыму в феврале. Не холодно, но и не жарко.

Несмотря на то что мы все время ехали вдоль моря, Петров, скривив рот, обиженно спрашивал:

— А где море-то? — и блестел от голода и раздражения глазами.

Дома, у нас на кухне, он оттаял, мама поставила перед ним цельную кефаль, запеченную с картошкой. Лимон желтел рядом с ее золотистой корочкой, по ней, от хвоста до головы, был рассыпан изнуренный пряным паром молодой укроп, доверчиво выросший в феврале где-то в теплицах Семисотки, и плакали перламутровые полумесяцы лука.

И от этого пара, от желтого света, от того, что моя мама звала его не Петров, а Сережа-детка и на «вы», его колючее, как иней, раздражение начало таять, и сам он потихоньку расплывался и будто сглаживался. А когда, поужинав и покурив с мамой на лестничной площадке, вернулся в квартиру, то вполне бодро спросил меня:

— Ну что, пошли, где море-то? И восьми-то еще нет... Далеко идти?

И мы пошли. Не успели выйти, как он начал без остановки говорить о своей поездке, потом через шесть шагов останавливался, оглядывался на торчащие из холодной темноты кипарисы или крющья акации и говорил:

— Я вообще что-то не понимаю, где мы... А где люди вообще? Море-то где?

И снова начинал про поезд, про каких-то наших общих друзей и про планы на очередную поездку, но не на Бали, а, скажем, на Ментавай⁸.

А мы уже давным-давно, целых три минуты, шли вдоль воды. Две потратили на то, чтобы добраться к ней от подъезда, и теперь не торопясь шагали, но не у самой ее кромки, а «по верху», как говорят местные, по тротуару. Море от нас отделяли только старые кусты тамарисков, росшие на не-

⁸ Ментавай — принадлежащая Индонезии группа островов в 130 км к юго-западу от острова Суматры.

большом пологом спуске. Я пытался об этом сказать, только Петров, намолчавшись за книжкой в купе, говорил и говорил, не отличая темноты справа от темноты слева и думая, что мы идем по какой-то аллейке. В конце концов, остановившись под очередным фонарем, он сказал:

— Мы вообще куда идем? Море где? Почему у вас фонари ничего не освещают?! Где люди?

— У нас такое электричество специальное, своим только светит, — не без яда ответил я и свернул с тротуара вправо, в кусты, на едва заметную тропку.

— Угу... Класс. Еще какой-то лес... — брызжал сзади Петров. — Ну, и чего?..

И замолчал, как споткнулся.

Перед ним растеклась абсолютная тьма. Она была абсолютной не только потому, что в ней не было огонька парохода, и не потому, что не светили звезды. Она была совершенно тиха. Не шевелилась, не звучала, не холодила, не обжигала. Не ждала. Не давала точки отсчета. Она была безвидна.

Петров немного отпрянул, даже съежился, потом подался вперед, громко вздохнул и стал молча смотреть в нее.

Позже, когда мы прошли так же молча вдоль набережной к пирсу, где уже светились фонари, он потрогал рукой холодную воду — на дне, как странные рыбы, змеились по песку синие лучики электросвета, — ощутил море и произнес:

— Помнишь, на Яве, на Джиленде⁹, мы по пляжу бессмысленно влачили свои шаги, а потом погребли на «Твентитвенти»...

— Это когда ты плавающего кокоса испугался?

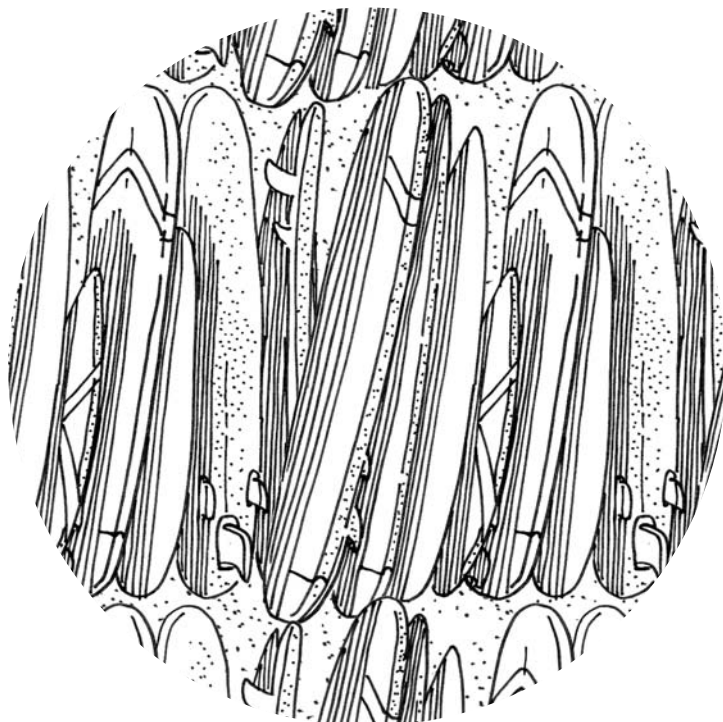
— Это был не кокос, я тебе говорю! Это была морда с усами... с усами, — отчетливо проговорил он и показал примерную форму усов, пошевелив над губой растопыренными пальцами. — Ну так вот, я, когда там плыл, думал... Вот это всё, вокруг эти деревья огромные, бамбук толще бревна, огромный океан... Какая же я песчинка, и меня после того долго ничего пронять не могло. А тут я как перед лицом

⁹ Джиленд — заповедник на юго-восточном побережье острова Ява.

вечности оказался, как будто меня и нет вовсе. Или я наоборот — это все... Даже говорить неохота... — немного недоуменно признался он.

Да мы и не говорили. Шли вдоль набережной, а рядом молчал исполин. Темный и холодный. Только иногда его гигантское округлое, как у ската, крыло слегка шевелилось, и тогда шуршал песок, и с ним вздымались и опускались песчинки наших душ. Или души все-таки были каплями, и мы перемешивали в своих внутренних океанах камешки мыслей и песок минут.

*Перед ним
растеклась абсо-
лютная тьма. Она была
абсолютной не только по-
тому, что в ней не было огонь-
ка парохода, и не потому, что
не светили звезды. Она была
совершенно тиха. Не шевели-
лась, не звучала, не холоди-
ла, не обжигала. Не ждала.
Не давала точки отсче-
та. Она была без-
видна.*

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Методика

II

Ощущение комфорта — важнейшая в серфинге вещь. Он не силовой спорт, не скоростной спорт, вообще не спорт — он искусство уметь приложить усилие своевременно. Называют его экстремальным занятием вовсе не из-за ядовитого адреналина, выделяемого шокированным организмом, а потому, что под водой мы не умеем дышать.

Однако что же может послужить причиной потери драгоценной возможности поднять голову над поверхностью и вдохнуть воздух?

Есть несколько факторов. Три из них зависят исключительно от действий самого серфера, и еще три зависят от него лишь наполовину, в остальном же являются факторами внешними.

В том, что тебя сбило и закрутило волной, что ты ударился о дно, а всплывая, получил собственной доской, проще всего обвинить волну, доску или дно. Но в подобных неприятностях, частенько вытекающих одна из другой, следует обвинять только себя. Ведь это ты залез в волны, с которыми не справляешься, ты их не распознал, поэтому тебя сбило, закрутило и стукнуло о дно, от которого ты радостно — потому что понимаешь, где поверхность, — отразившись, всплыл, и в тебя прилетела твоя же доска.

Важно понимать, какая волна способна подарить радостное восхищение ее силой, да и, чего уж скрывать, самим собой, а какая,

кроме физического и морального «облома», не может принести ничего.

Нельзя, заходя в прибой, держать доску между собой и волной. Нельзя даже на песчаное дно прыгать ногами или нырять головой; нужно падать, если падаешь, почти плашмя. Нельзя заходить под разгоняющихся или катящихся. Нельзя разгоняться, не убедившись, что перед тобой и в радиусе пяти метров вокруг никого нет, иначе существует опасность встретить в океане не только свою доску.

Но незнающий лелеет химеру, а не обходит препятствия. Акулы беспокоят его гораздо больше, чем собственная несобранность. Безусловно, акула опасна, риф с морскими ежами и острыми кораллами опасен тоже, но гораздо опаснее соседний серфер. Особенно тогда, когда ты не знаешь или не признаешь правил.

Однако для того, чтобы разобраться в правилах, необходимо понять, что такое правые и левые волны.

Соскальзывать с волны просто вперед неинтересно, поскольку момент восторга в этом случае слишком короток — катиться же хочется долго. Поэтому всякий серфер старается по волне съезжать в сторону, выбирая, соответственно, волны, «закрывающиеся» не сразу по всей своей длине, а закручивающиеся постепенно, справа налево или слева направо.

Правой серферы называют волну, которая позволяет скользить в сторону правой руки, скручиваясь со стороны левой, а левой — ту, которая «закрывается» справа, давая возможность скользить влево. И здесь следует сказать, что, даже находясь на берегу, лицом к океану, серферы оценивают волну для катания так, словно они на лайнапе — условной линии, на которой волна достигает пригодных для скольжения высоты и остроты угла. Они уже как бы находятся спиной к океану, готовясь разогнать доску за счет сильных гребков, необходимых, чтобы столкнуть доску со склона волны в скольжение.

Но прежде чем начинать разгон, необходимо убедиться в том, что по этой волне никто не скользит со стороны обрушивающегося гребня, поскольку волна «принадлежит» тому, кто ближе

к ее обрушению, так как у него угол склона круче, скорость выше, старт он берет раньше и к опасности быть настигнутым обрушением ближе. Тот, кто разгоняется не в свою очередь, подвергает себя опасности, поскольку еще лежит на доске, а человек, у которого в данном случае приоритет, уже несется с немалой скоростью. Старт из точки, в которой находится разгоняющийся, может привести к пересечению траекторий, что опасно в большей степени для разгоняющегося, чем для едущего. Следовательно, необходимо убедиться, что никто на волне не едет или не разгоняется раньше вас, и только тогда пытаться, как говорят серферы, волну «брать».

Также никогда не стоит заплывать с берега в океан, на лайнап, прямиком, пересекая предполагаемые траектории скольжения серферов, уже находящихся там. Это чревато не только столкновением и общим негативным отношением с их стороны, но и потерей сил при преодолении прибоя, который часто бывает немаленьким.

Но прежде чем разобраться с тем, каким путем, не помешав катающимся и не принимая на себя всю мощь прибоя, выйти к точке старта, предстоит понять, что такое прибрежные течения.

Волна — это нагнетенный к берегу, в нашем случае далеким штормом, объем воды. Раз за разом океан рушит свои волны на рифы или пляжи, и объем обрушившихся вод должен куда-то уйти, ведь в берег он не впитывается — все, что могло в берега впитаться, впиталось в них в начале времен. А это означает, что вода уходит обратно в океан, но вовсе не снизу под следующей волной, как полагают многие.

Рифы или песчаное дно сформированы таким образом, что в них есть разломы или протоки, называемые на серфовом просторечье каналами. Волна после обрушения устремляется в этот канал и, стекая в него, образует это самое течение. И чем сильнее объем обрушившейся волны, тем течение опаснее для неискушенного пловца или невнимательного серфера. И тем сложнее новичку понять, что этим страшным течением, зачастую не менее сильным, чем потоки горных рек, искушенные серферы пользуются, чтобы добраться до лайнапа.

Прежде чем зайти в океан, любой из них наблюдает за тем, как сегодня на споте — месте для катания — образуется волна, где находятся уже катающиеся, каков их уровень. И в зависимости от этих факторов и своего уровня находит примерную точку старта для себя. Соотносит эту точку с каким-нибудь ориентиром на берегу, которым может быть любой видимый неподвижный объект, а затем находит канал и его ориентиры. И смело отправляется в канал, который, словно безостановочный лифт, выносит их на один с лайнапом уровень. В этот момент серферу нужно из «лифта» выскочить, уйти в сторону от точки своего старта за линией обрушения волн и, сверившись с ориентирами на берегу, занять место на лайнапе.

Как только это все становится новичку очевидным, как только он начинает «читать» спот, начинается серфинг. И вовсе не важно, скользит он непринужденно, подобно профессионалам, или едет, осторожно балансируя, главное — он создал прочный теоретический базис, позволяющий воздвигать крепкое здание практического опыта.

На доску можно вставать прыжком или поочередно подтянув ноги, но и в первом, и во втором случае необходимо следить за тем, чтобы стопы располагались на продольной оси доски, а не по ее бортам, были развернуты перпендикулярно либо под углом 45 градусов к ней, взгляд должен быть направлен в сторону движения, колени немного согнуты.

Серфинг — это постоянная работа с балансом, причем не только с равновесием тела, но и с балансом внутренним. Важно не топиться.

Человек — это существо, которое пытается скоростью или силой компенсировать отсутствие техники, а это, к сожалению, приводит к потере баланса и падению. Поэтому прежде всего необходимо научиться расслабляться, почувствовать себя комфортно среди пены прибою, чтобы быть уверенным меж его валов.

Тело нужно расслаблять с кисти, сознание — с дыхания. Если у новичка, скользящего на доске, напряжены кисти рук, то он напряжен весь, и это мешает удерживать равновесие. Если он еще и задерживает дыхание, то это однозначное падение.

Серфинг — это искусство расслабляться. То есть искусство держать себя в готовности к действию, потому что из расслабленного состояния проще перейти в любую диктуемую ситуацией форму напряжения.

И важно уметь смотреть вперед. Взгляд, контролирующий правильную постановку ног или доску, приводит только к падению. Контролировать нужно направление движения.

К тому же, если научиться отрывать глаза от доски и смотреть по сторонам, то в конце концов можно увидеть, в какую сторону и когда совершить маневр. Мало того, умение смотреть не на доску, а по направлению движения вперед и вверх позволяет правильно контролировать доску с помощью собственного веса.

Дело в том, что, смотря себе под ноги, на подскакивающую на волне доску, пугаясь ее и летящих из-под нее брызг, серфер рефлекторно подается назад, оберегая лицо и глаза, и непроизвольно переносит вес на «заднюю» ногу (серфер катается только одной ногой вперед, соответственно, эта нога зовется передней, та же, которая позади, — задней). Из-за этого контроль над доской теряется, и она начинает «рыскать» из стороны в сторону. При такой потере контроля остается или свалиться, или присесть — опустить центр тяжести ниже, смещая его вперед.

Частенько начинающий серфер выводит себя из равновесия, даже смотря по направлению движения, из-за того что неистово размахивает руками в попытке удержать баланс. Это неверно, поскольку равновесие нужно удерживать не руками, пытаясь зацепиться за несуществующий поручень, а центром тяжести, опуская его плавно вниз, сгибая колени. При этом можно даже держаться за доску, но важно исключить резкие движения.

Плавность в серфинге вообще играет немалую роль. Рваные, пунктирные движения приводят к падению, поэтому резкость своих реакций нужно соизмерять со скоростью волны.

Вообще, в серфинге нет как таковой жесткой техники. Если ты катаешься «на ушах» и это тебе нравится, значит это и есть серфинг, а техника и требования, описанные выше, имеют смысл лишь потому, что мы говорим о серфинге для человека прямоходящего.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)